

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

Тульский государственный

педагогический университет им. Л.Н. Толстого

(ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»)

*Задания муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников 2019 /
2020 учебного года*

по литературе

*(с учетом методических рекомендаций, подготовленных центральными
предметно-методическими комиссиями олимпиады)*

Тула 2019

9-11 класс

Общие методические рекомендации по выполнению заданий для участников олимпиады

В качестве первого задания участнику олимпиады предлагается провести целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. Выбор типа текста – право ученика. Анализируя текст, ученик должен показать степень сформированности аналитических, филологических навыков – именно они и станут предметом оценки. Ученик сам определяет методы и приёмы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Важно, чтобы анализ текста приводил ученика-читателя к главному – пониманию автора, смысла его высказывания, его позиции, способов, которыми он эту позицию выразил.

Второе задание – творческое. Оно должно выявить творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в роли редактора, журналиста, писателя, рецензента, блогера, комментатора, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса.

Обратите внимание на следующие условия:

Последовательность выполнения заданий определяется самим участником олимпиады. Время выполнения задания варьируется в зависимости от класса: для учеников 7-8 классов – не более 3 астрономических часов; для учеников 9-11 классов – не более 5 астрономических часов. Образцы и характеристики заданий будут представлены ниже.

Удачи Вам!!!

**ЗАДАНИЯ ОЛИМПИАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
(МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП)**

9 класс

Аналитическое задание

Вариант 1.

Выполните целостный анализ стихотворения Арсения Тарковского. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Арсений Тарковский

ЗАГАДКА С РАЗГАДКОЙ

Кто, еще прозрачный школьник,
Учит Музу чепухе
И торчит, как треугольник,
На шатучем лопухе?

Головастый внук Хирона,
Полувсадник-полуконь,
Кто из рук Анакреона
Вынул скачущий огонь?

Кто Державину докука,
Хлебникову брат и друг,
Взял из храма ультразвука
Золотой зубчатый звук?

Кто, коленчатый, зеленый
Царь, циркач или божок,
Для меня сберег каленый,
Норовистый их смычок?

Кто стрекочет, и пророчит,
И антеннами усов
Пятки времени щекочет,
Как пружинками часов?

Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!
Он и мне протянет глечик
С ионийскою водой.

1960

Комментарии:

Хирон (греч. миф.) – кентавр, отличавшийся мудростью и добротой, учитель многих героев.

Анакреон – древнегреческий лирический поэт. Писал на ионийском диалекте древнегреческого языка. Автор стихотворения «К цикаде».

Державин Г.Р. – русский поэт, автор стихотворения «Кузнечик» (Подражание Анакреону).

Хлебников Велимир – русский поэт-футурист, автор стихотворения «Кузнечик».

Глечик (укр.) – глиняный горшок, кринка.

Ионийская вода – от Иония (греч.) – область в центральной части западного побережья Малой Азии. На ионийском диалекте говорили также на островах Эгейского моря и на острове Эвбея к северу от Афин.

Обратите внимание на следующие особенности содержания и формы (поэтики) стихотворения:

1. Как связано заглавие с текстом стихотворения;
2. Как связаны имена поэтов, упоминаемых в стихотворении;
3. Каково назначение в тексте интертекстуальных отсылок;
4. Обратите внимание на особенности синтаксиса и лексических средств создания образов.

Вариант 2.

Выполните целостный анализ предложенного произведения. Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

ПЕСТРЫЙ ПЛАТОЧЕК

Это неинтересно. Никаких нет приключений, вовсе это не рассказ.

А просто ехали мы, во втором классе, через всю Россию, на юг.

Ехали всей семьей: с бабушкой, с тетей, с ее кошкой, с двумя маленькими моими братьями, с бонной, с чайниками и со всякими пожитками. Потому что мы переселялись в южный город, где жил мой дядя, мамин единственный брат — он ее и уговорил в этот город переселиться.

Я был мальчик хрупкий и нежный, — минуло мне тогда шестнадцать лет, — а в южном городе климат хороший, и мне легче будет учиться. Переведут прямо в шестой класс тамошней гимназии.

Ужасно хорошо мы ехали, — это, ведь было очень давно. Поезд шел тихонько, часто останавливался на солнечных, веселых станциях, где были деревья кругом, высокие, в бледнозеленых майских кудрях. Я выбегал на каждой станции, и каждая мне казалась такой счастливой, что я бы рад был на ней остаться жить.

В вагоне — точно маленькая наша комнатка: и бабушку тетя поит молоком, — всегда кошке отливает в черепушку, — и мама книжку читает, и дети, Миша и Тиша, в окна глядят и болтают с фрейлейн. Как ехать интересно! А что-то там будет, в Т*? Какой дядя, какая тетя? Я их едва помню, видел, когда совсем маленький был.

У меня есть и кузина Таня, дядина и тетина дочка. Как сквозь сон я и ее помню. Крошечной девочкой — толстушкой у няни на руках. И сам-то я тогда не очень тверд был на ногах, хотя и стремился бегать, — скучно ходить.

Кузина Таня меня очень интересуется. Стараюсь вообразить ее, но ничего не выходит. Знакомых барышень гимназисток у меня много, но это ведь не знакомая барышня, это родная, как бы сестра. Сестры у меня никогда не было.

Так мы ехали два, а может быть и три дня. И все становилось интереснее, а ожидание нового все больше захватывало. Ведь все, все будет новое, и уж, конечно, радостное, веселое и счастливое.

К концу последнего дня мама сказала:

— Мы приедем около 9 часов вечера, но через полчаса будет станция, куда нас тетя Маня выехала встретить. Бойтесь, чтоб мы в незнакомом городе ночью не растерялись.

Эти полчаса мне показались очень длинными. Едва-едва прошли. Однако прошли. И только что поезд остановился (а уж темнело) в наш вагон вошла быстро полная дама с седеющими волнистыми волосами и бросилась маме на шею.

Это и была тетя Маня. Бабушка заплакал, обнимаясь с ней, а за ним и другая тетя, наша, которая ехала с нами и везла кошку.

Тетя Маня со всеми нами познакомилась, перецеловалась и села в мамин уголок, на серую скамеечку. Поезд пошел, и тетя, наклонясь к маме (они сидели друг против друга) стала с ней разговаривать.

Тетя мне тогда казалась уже старой, но теперь, вспоминая, вижу, что она была довольно молода, хотя и не молодилась; она мне сразу понравилась.

Говорили они с мамой о том, конечно, как в новом городе устроиться, квартиру подыскать, и все такое. Квартиру уже с осени, потому что сейчас мы все остановимся у них, — у них просторно! а потом поедем вместе на дачу, в отличное место, где они всегда живут, и дача уже нанята, большая.

Я весь замирал от восторга, и от нового города, и от дачи, и от тети. Только про Таню тетя ничего не говорила, а я не смел спросить, и чем больше хотел, тем больше не смел.

А станции мелькали, уж совсем синие, в желтых огнях. Предпоследняя... Последняя... У нас все собрано, увязано, кошка изредка мяучит в корзинке, дети сонные капризничают.

— Смотри в окно, Валя — говорит мне тетя Маня. — Теперь минут через десять приедем. Наши будут на вокзале, ты дай им знак...

— Я, ведь, тетя... начинаю я робко.

— Я ведь, пожалуй, не смогу их... угадать...

Тетя засмеялась.

— Ах, правда, я и забыла! Ведь ты их не знаешь! Ну, смотри, хорошенько: у Тани на шляпке пестренький платочек. Как увидишь пестренький платочек — значит, Таня. А дядя с ней.

Я от окна больше не отрывался, хотя за окном пока еще бежала только темно-синяя душистая теплота, и эти десять минут совсем мне показались нескончаемыми, длиннее гораздо всех трех дней.

Но и они стали проходить и прошли.

Поезд свистит и тихо двигается вдоль еще пустынной платформы, к огням. Под огнями люди чернеют, люди, люди, — но все не те, ненужные.

И вдруг как-то сразу, очень ко мне близко, под огнями, я увидел черную соломенную шляпку с пестреньким платочком. Поезд, точно нарочно, тут же и остановился. Я, может быть, крикнул что-то, может быть нет, но только на меня прямо глянули, из-под шляпки с пестрым платочком, узнающие темно-карие глаза, полудетские, полудевичьи.

Радость в том, что они были узнающие, узнавшие меня; радость в том, что они были новые, никогда мной невиданные, а все-таки для меня свои, родные.

Я помню еще свежий холодок Таниной смуглой, румяной щеки, когда я ее в первый раз, там, на вокзале, поцеловал. Потом мы пошли вместе, рядом, и так как я был выше нее ростом, то я все время видел этот ее, красиво на шляпке смятый, пестрый платочек, да иногда, из-под черных полей, милый взор ее, смущенный, веселый и родной.

Ну вот, больше ничего. Да больше ничего и не нужно, потому что тут уже — все. Другое дело, если бы выдумывать: можно бы выдумать, что я влюбился в Таню, любил ее всю жизнь, а она меня не любила, или, наоборот, что она меня всю жизнь любила, а я разлюбил... мало ли! Однако, ничего этого не случилось, а было необыкновенно просто. Даже до удивительности просто.

Я Таню полюбил не сразу, начал медленно, потихоньку; зато любовь росла, не переставая. Росла, как люди растут, незаметно. Как мы с ней росли, и большими людьми выросли, но расти не перестали, и с нами росла наша любовь — так же незаметно.

Мы были такие разные, а в любви нашей братской, человеческой, до такой степени было одно, что нам и слова не очень были надобны. Сразу как-то взглянешь — и все уже есть.

Жили мы вместе, потом в разных городах, потом опять вместе; и опять расставались, и опять виделись. У каждого из нас была своя жизнь, но это не разделяло нас, и не могло разделить.

Таня вышла замуж. Удивительная, совсем особенная, жена; совсем особенная мать, я таких не видал, да и не слыхал о таких никогда. Но я не буду говорить об ее удивительности: нельзя рассказать, да и совсем уж будет неинтересно. Я только о пестром платочке скажу, вот тогда, на вокзале...

Были мы с Таней, в наших двух жизнях, и счастливы очень, и несчастны очень. Как многие. Каюсь, при всей моей любви, завидовал я ей часто, главное — силе, которая у нее была во всем, к чему она ни касалась: сила тихая, человеческая ужасно — и не совсем человеческая.

Тихости этой силы, дающей бесстрашие, я и завидовал.

Так годы шли, длинные... Я видел Таню в последний раз в тот роковой год... когда в мире что-то переломилось; когда началась война.

Почти десять лет.

Таня пережила за эти десять лет все, что могла пережить русская женщина. Жизнь разорвала нас — но не разорвала нашей связи. Я знал о ней все, она — обо мне. И редкие письма наши — точно мы и не расставались никогда, и почти слов не надо, — душа к душе.

Но я все не о том!

Таня умерла. Светло, тихо, просто. Ушла. А я остался.

Таня умерла. Около нее были дети, муж. Они знали ее, любили ее, как только можно любить. Знали больше меня, — ведь она всегда была с ними.

Но есть что-то, было что-то у здешней Тани, — мелочи, не мелочи, — которые знаю только я. Один я на всем свете! И когда умру я — их, значит, совсем не будет?

Вот хотя бы пестрого платочка... Не будет? Муж Тани о нем не знает. И дети не знают. И никто. Куда же девается пестрый платочек?

Велика, скажут, потеря. Да пусть его пропадает. Таких вещей, пропавших, и сосчитать нельзя. Куда девается бывшее, в душу человечью попавшее, душой сохраненное, никому никогда не

сказанное, и даже ни в каких словах невыразимое — куда же ему деваться, если человек умрет? Пропадает.

И теперь уже от пестрого платочка осталась только половина; он был наш с Таней, наш общий, и только наш. Ее половинка пропала, — я храню свой кусочек... пока...

Нет. Пусть так думают те, у кого не бывало никогда ни малейшего пестрого платочка. Они могут. А я не могу, даже если бы и захотел. Я знаю (все мы знаем, у кого есть свой «пестрый платочек»), что бесследным пропадом пропадает только чистая материя, каждый ее лик. Где настоящий, реальный пестрый платочек с Таниной шляпки? Он и не может существовать; он должен был или пропасть, или — сохраниться, — чуть-чуть изменив существо, — между мной и Таней: в нашей любви.

Стоит кольцу любви замкнуть что-нибудь в себя — и вот, оно неистребимо. Большое, малое, пестренький платочек и то, для чего слова нет — все цело, какое бы ни было его количество неисчислимое, все — у Бога. У него и слово для бессловного найдется; кто же не слышал, что «слово было у Бога». И пестренький платочек у Бога; в сущности я о нем и не беспокоюсь.

Ах, вот как! Это значит — «на том свете»?

Полноте, пожалуйста. Никакого «того света» нет. Есть только один — этот. И Бог в нем же, и все тут же. Но как увидеть? Мы еще в хаосе; мы — в движении материи. Это ничего, это материя делится; и надо время, чтобы она разделилась: чему, в кольцо любви заключившись, сохраниться, а чему, не попав в него, провалиться. Надо время, чтобы «последний враг был побежден — Смерть».

1. Почему рассказ разделен автором на три части? Как они соотносятся друг с другом?

2. Как образ «пестрого платочка» связан с главной мыслью рассказа?

3. Как соотносятся начало рассказа («Это неинтересно. Никаких нет приключений, вовсе это не рассказ. А просто...») и его финал?

Творческое задание

Представьте, что вас попросили составить маршрут кругосветного плавания. Главной особенностью его является то, что корабль будет останавливаться только в тех странах и портовых городах мира, с которыми связаны какие-то известные литературные произведения или писатели (всего не более 8 городов или стран). Каждая остановка предполагает экскурсию, рассказывающую об этом. Напишите текст рекламного проспекта, дающего информацию об этом путешествии.

1) Составьте этот маршрут и опишите его (обосновав выбор стран, городов и произведений).

2) Дайте короткую аннотацию каждой экскурсии для будущих путешественников.